

СИННИ
Урхад

38

Рекламу?.. Пожалуйста!..

Набросокъ Арк. Бухова.

Современности изъ всѣхъ литературныхъ типовъ ближе всего чеховскій-Митя Кулдаровъ, тотъ самый, который, захлебываясь, говорилъ о томъ, что его переѣхали и онъ попалъ въ газету.

Если раньше, въ болѣе ранній періодъ русской литературы, въ редакціяхъ, кружкахъ и обществахъ, грушировалось и соединялось все талантливое и даровитое, то теперь, наоборотъ наступила пора организации бездарностей. Митя Кулдаровъ, выявляя свое лицо то въ поэзии, то въ беллетристикѣ, то въ художествѣ, начинаютъ ярче и ярче устанавливать свою программу, свою идейную линию поведения—попасть въ печать.

Какимъ путемъ—имъ безразлично. Они устраиваютъ скандалы, литературныя дуэли, выпускаютъ порнографическія книжки, заявляютъ о себѣ въ печати, что они уѣхали на дачу, живутъ тамъ-то и тамъ-то, пишутъ то-то и то-то—словомъ, съ усердіемъ надоедливой мошки, жужжать и вьются передъ читательскими глазами.

Около каждого изъ нихъ, чѣмъ-либо выдвинувшись, хстя бы наиболѣе нелѣпнымъ проявленіемъ своей несостоятельности, сразу собирается толпа единомышленниковъ, которые ходятъ за ними, какъ уличные мальчишки за шарманщикомъ.

Отличительной чертой этихъ Кулдаровыхъ является то безграничное невѣжество, которое только потому и можетъ существовать, что оно идетъ нога объ ногу съ ярко выраженнымъ нахальствомъ.

Съ такими людьми бороться почти нельзя: это нѣчто въ родѣ той былинной нечисти, которая увеличивалась вдвое послѣ всякаго хорошаго удара.

Написать о нихъ серьезную статью въ газетѣ, или журналѣ,—это значитъ создать имъ имя.

Весело осмѣять ихъ—даровая для нихъ реклама. Они сами напрашиваются на это, они готовы написать, что угодно, если почувствуютъ, что о нихъ будетъ гдѣ-нибудь упомянуто.

Оплюйте ихъ, докажите имъ всю ихъ безталантливость, все ихъ невѣжество,—они будутъ радоваться этой замѣткѣ и улыбаясь рассказывать окружающимъ о томъ, что о нихъ упомянули, о томъ, что ихъ замѣтили...

Они—вездѣ. Отъ большихъ журналовъ до маленькихъ провинціальныхъ газетъ—всѣ отдѣлы смѣси и курьезовъ полны перепечатками изъ изданій такъ называемыхъ «эго-футуристовъ»—группы юныхъ, невѣжественныхъ и крикливыхъ поэтовъ. Каждый культурный человекъ, читая даже эти

отрывки не только цѣлѣны произведенія, пойметъ, что здѣсь не творчество, а глѣбный растекъ на читательскую психологию: посмѣется и запомнитъ. Ихъ голосъ хрипкій въ любомъ листкѣ пожалованъ улыбкой—и они стараются во всю, съ твердой увѣренностью, что разъ упомянувшій о нихъ, упомянетъ и другой разъ и, такимъ образомъ, составитъ маленькая слава Мити Кулдарова, о которомъ знакомые говорятъ:

— А, вѣдь, нашего-то Митю переѣхали... Объ этомъ даже въ газетахъ писали...

И все же въ

1. Названіе картины — неизвѣстно.

литературѣ такіе Кулдаровы не такъ опасны. Нашъ читатель знаетъ, слишкомъ много хорошаго, слишкомъ много цѣннаго стоитъ на полкахъ его книжныхъ шкафовъ и этажерокъ для того, чтобы онъ могъ повѣрить въ искренность литературнаго скандала.

Гораздо хуже обстоитъ дѣло въ области чисто художественной. Здѣсь русскій обыватель еще блуждаетъ въ потьмахъ. Онъ самъ не знаетъ, кого любить, кого онъ хочетъ, кто ему правится. Критическихъ статей о выставкахъ онъ не читаетъ, чему мы охотно сочувствуемъ, потому что ни въ одномъ изъ журналовъ, ни въ одной изъ газетъ нельзя найти ни одной статьи о выставкѣ или художникѣ, которую могъ бы прочесть и разобраться въ ней простой обыватель, простой средній читатель.

Толковыхъ и ясныхъ статей о такомъ, въ сущности, несложномъ явленіи, какъ единичная выставка, или творчество даннаго художника — нѣтъ. Читатель долженъ разбираться самъ... Некому объяснить ему, некому указать на того или иного художника.

И вотъ тутъ-то начинается вакханалія Митей Кулдаровыхъ.

Годъ, или больше тому назадъ, въ Парижѣ нѣсколько художниковъ сыграли надъ публикой и надъ прессой дикую, но не лишнюю извѣстнаго остроумія, шутку.

— Пресса,—сказали они,—все равно заговоритъ о каждомъ портретѣ, о каждой картинѣ, если создать около него шумъ. Теперь въ модѣ самые нелѣпые рисунки. Посмѣемся!

И вотъ шутники взяли осла, поставили его спиной къ натянутому полотну, обмакнули ослиный хвостъ въ краску и стали дразнить животное. Возволнованный оселъ началъ махать хвостомъ, который ударялъ по полотну, оставляя на немъ яркіе красочные слѣды.

Черезъ нѣсколько минутъ молодые люди отвели осла въ сторону, потому что картина была готова.

Осталось только подыскать ей подходящее названіе. Когда оно было найдено картину отдали на выставку, а черезъ нѣсколько дней, около нея начался обычный словесный и газетный шумъ. Словомъ, шутка была проведена блестяще.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, и вотъ въ Москвѣ, въ этомъ болѣе шумномъ, хаотическомъ, восприимчивомъ ко всякимъ общественнымъ нелѣпостямъ, городѣ организуется выставка «Ослинаго хвоста».

Устроитель ея — Митя Кулдаровъ, выступившій подъ псевдонимомъ Ларионова, поступилъ точно также, какъ и парижскіе шутники.

Только на этотъ разъ картины были нарисованы не хвостами, а руками помощниковъ Ларионова.

Выставка имѣла громадное объединяющее значеніе. Все то назойливое, неталантливое, и крикливое, что таилось въ нѣдрахъ «начинающей» Россіи, стало выплывать наружу. Художники Кулда-

литературѣ такіе Кулдаровы не такъ опасны. Нашъ читатель знаетъ, слишкомъ много хорошаго, слишкомъ много цѣннаго стоитъ на полкахъ его книжныхъ шкафовъ и этажерокъ для того, чтобы онъ могъ повѣрить въ искренность литературнаго скандала.

Гораздо хуже обстоитъ дѣло въ области чисто художественной. Здѣсь русскій обыватель еще блуждаетъ въ потьмахъ. Онъ самъ не знаетъ, кого любить, кого онъ хочетъ, кто ему правится. Критическихъ статей о выставкахъ онъ не читаетъ, чему мы охотно сочувствуемъ, потому что ни въ одномъ изъ журналовъ, ни въ одной изъ газетъ нельзя найти ни одной статьи о выставкѣ или художникѣ, которую могъ бы прочесть и разобраться въ ней простой обыватель, простой средній читатель.

Толковыхъ и ясныхъ статей о такомъ, въ сущности, несложномъ явленіи, какъ единичная выставка, или творчество даннаго художника — нѣтъ. Читатель долженъ разбираться самъ... Некому объяснить ему, некому указать на того или иного художника.

И вотъ тутъ-то начинается вакханалія Митей Кулдаровыхъ.

Годъ, или больше тому назадъ, въ Парижѣ нѣсколько художниковъ сыграли надъ публикой и надъ прессой дикую, но не лишнюю извѣстнаго остроумія, шутку.

— Пресса,—сказали они,—все равно заговоритъ о каждомъ портретѣ, о каждой картинѣ, если создать около него шумъ. Теперь въ модѣ самые нелѣпые рисунки. Посмѣемся!

И вотъ шутники взяли осла, поставили его спиной къ натянутому полотну, обмакнули ослиный хвостъ въ краску и стали дразнить животное. Возволнованный оселъ началъ махать хвостомъ, который ударялъ по полотну, оставляя на немъ яркіе красочные слѣды.

Черезъ нѣсколько минутъ молодые люди отвели осла въ сторону, потому что картина была готова.

Осталось только подыскать ей подходящее названіе. Когда оно было найдено картину отдали на выставку, а черезъ нѣсколько дней, около нея начался обычный словесный и газетный шумъ. Словомъ, шутка была проведена блестяще.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, и вотъ въ Москвѣ, въ этомъ болѣе шумномъ, хаотическомъ, восприимчивомъ ко всякимъ общественнымъ нелѣпостямъ, городѣ организуется выставка «Ослинаго хвоста».

Устроитель ея — Митя Кулдаровъ, выступившій подъ псевдонимомъ Ларионова, поступилъ точно также, какъ и парижскіе шутники.

Только на этотъ разъ картины были нарисованы не хвостами, а руками помощниковъ Ларионова.

Выставка имѣла громадное объединяющее значеніе. Все то назойливое, неталантливое, и крикливое, что таилось въ нѣдрахъ «начинающей» Россіи, стало выплывать наружу. Художники Кулда-

2. «Покость» Н. Гончаровой.

3. «Путешествіе въ Турцію» М. Ларионова.

4. «Городъ». Ларионова.

речи вошли, что имъ развязаны руки. Начался дикій шабашъ красокъ, похожій на тотъ разгулъ словъ, который такъ недавно пережила литературная Россія. Картины, одна другой нелѣпѣе, стали появляться въ журналахъ, на выставкахъ и въ пролѣяхъ.

Русскій человекъ еще не отвыкъ думать, что каждая печатная строчка, каждый мазокъ кисти, несутъ въ себѣ что-нибудь творческое, что-нибудь отъ ума и таланта, а не отъ наглости и безсодержательности.

Попробуемъ съ нимъ не согласиться...

Мы даемъ здѣсь нѣсколько снимковъ съ картинъ (да будетъ имъ радость отъ упоминанія имени ихъ!)—Ларионова, Татлина и Н. Гончаровой. Посмотримъ на нихъ.

Отъ картины мы можемъ требовать или реальности изображенія, или созданія настроенія, которое хотѣлъ влить въ душу зрителя художникъ,—авторъ картины.

Этотъ два полюса, отъ которыхъ должны исходить каждый зритель.

Посмотримъ на картину художника-новатора съ точки зрѣнія реальности изображенія.

Вотъ какъ онъ представляетъ себѣ продавца рыбъ. (см. рис. 5).

Идетъ одинокій, несчастный человекъ, въ красивой испанской шляпѣ, куда-то предусмотрительно спрятавши лѣвую ногу, и несетъ за спиной часть улова, въ то время, какъ другая часть этого улова, въ видѣ осетрины съ двумя хвостами и однимъ туловищемъ совершаетъ самостоятельное путешествіе впереди него.

Тутъ же съ боку, въ видѣ комнатной собачки весело скачетъ другая осетрина, съ загадочно отъѣденной кѣмъ-то головой.

Намъ неизвѣстно, кто въ данномъ случаѣ позировалъ художнику. Мы не допытываемся даже въ какой изъ частей свѣта есть такіа оригинальныя рыбы. Пусть это останется тайной и проходимъ дальше.

Вотъ картина: «Городъ». (см. рис. 4).

По испачканной стѣнѣ бѣлаго дома сиротливо тянется заяцъ, запряженный въ коробку изъ-подъ шоколада, за нимъ дѣлаетъ попытку бѣжать маленькій барашекъ, лишенный двухъ конечностей, опасливо озираясь на трамвай, перешрыгивающій съ одного берега на другой. Съ неба падаютъ куски жести, оборванная бумага, тушь и само небо можетъ быть упало-бы на рельсы, проведенные вглубь земли, если бы его не поддерживалъ столбъ отъ сломаннаго фонаря и самостоятельно существующее крыло мельницы.

Вотъ другая картина: два солдатика, нѣчто вроде тѣхъ, какихъ дѣлаютъ изъ пряничнаго тѣста и продаютъ по двѣ копейки, сидятъ на простыхъ дворянскихъ, изображающихъ на себѣ разъ лошадей. Одна изъ лошадей стоитъ на четырехъ ногахъ, другая ходитъ на двухъ. Какъ это называется, не знаю, вѣроятно, «Печаль дѣвушки», или «Осенняя мечта корсиканца». (см. рис. 1).

Вотъ картина «Путешествіе въ Турцію». (см. рис. 3). Быть можетъ, для паломничества въ эту красивую страну и гребутся костюмъ Адама... Можетъ быть, наиболѣе да-

ровитыя женщины этой страны, или путешественницы, предпочитаютъ не просто стоять на землѣ, а висѣть въ воздухѣ, смотря, какъ другая женщина раскуриваетъ машинку для бритья,—это дѣло чисто мѣстныхъ порядковъ. Здѣсь, даже уходя отъ реальности воспроизведенія, хочется задать вопросъ о томъ настроеніи, какое можетъ создать картина: что можетъ навѣять эта женщина, сидящая на сѣдлѣ (осѣдлана небольшая лужица и кусокъ неплодородной почвы)? Правда, въ боку этой женщины вогнанъ какой-то особый клинъ, какой-то остроумный шутникъ сорвалъ у нея добрую треть головы, замѣнивъ недостающія части тремя склеенными сосисками, а ухо и глазъ ея—близнецы, но гдѣ же тутъ то настроеніе, которое охватываетъ зрителя и такъ или иначе заставляетъ его вглядываться въ картину...

Вотъ «Соня курить». (см. рис. 6).

Нескромная дѣвушка, привыкшая закрывать только колѣни, давно немывтымъ одѣяломъ, старается устроиться на постели такъ, чтобы однимъ локтемъ поддерживать стѣну, а другимъ опираться на воздухъ. Лицо некрасиваго мужичка, съ трубкой въ зубахъ, неизвѣстно кѣмъ внушенное въ комнату, молча наблюдаетъ за полуспящей дѣвушкой, которая старательно поддерживаетъ падающій носъ. Изъ трубки летятъ вверхъ маленькія картофелины, а сбоку, въ углу, написано: «Соня кур...»

Вотъ картина художницы Н. Гончаровой «Покосъ». (см. рис. 2). Правда, въ нашихъ деревняхъ встрѣчаются уродливыя парни и дѣвушки. Но, нужно отдать справедливость, художница ухитрилась обличить въ нихъ новыя черты уродства. До сихъ поръ показалось бы клеветой, если бы мы сказали, что каждая крестьянская дѣвушка построена изъ нѣсколькихъ неравнобедренныхъ треугольниковъ, ромбовъ и параллелограммовъ. Не знали мы, что наиболѣе типичнымъ обыкновеніемъ этихъ дѣвушекъ является желаніе—протыкать себѣ шею граблями. Находкой для насъ является и то утвержденіе Гончаровой, что деревенскимъ парнямъ приходится довольствоваться всего одной рукой, съ негибающимися пальцами, и такимъ правымъ глазомъ, который, какъ бы въ издѣвку надъ лѣвымъ, увеличивается параллельно росту человека.

Не скрою, иногда мнѣ кажется, что это какой-то ужасъ сознанія собственной беспомощности и ничтожества кричитъ въ такихъ рисункахъ. И отъ этого сознанія еще обиднѣе за публику, еще обиднѣе за того простого, вѣчно обижаемаго читателя и зрителя, на котораго обрушивается вся эта волна неспособности. Скажутъ, развѣ у этого зрителя нѣтъ глазъ, развѣ у него самого мышленія нѣтъ, развѣ у него нѣтъ вкуса? Съ горькимъ сознаніемъ надо сказать, что дѣйствительно—нѣтъ...

И зная тайну подобнаго творчества давно пора показать всю непригодность, весь цинизмъ и смѣхотворность такихъ картинъ, такихъ художниковъ, такихъ направленій... Мы не должны скрывать отъ читателя, мы должны нести къ нему эти картины, показывать ихъ, говорить о нихъ: проказа понается только тогда, когда люди видятъ воочию струны прокаженныхъ...

Арк. Буховъ.

5. «Продавецъ рыбъ». Татлина.

И зная тайну подобнаго творчества давно пора показать всю непригодность, весь цинизмъ и смѣхотворность такихъ картинъ, такихъ художниковъ, такихъ направленій... Мы не должны скрывать отъ читателя, мы должны нести къ нему эти картины, показывать ихъ, говорить о нихъ: проказа понается только тогда, когда люди видятъ воочию струны прокаженныхъ...

На помощь футуристамъ пришла цензура. Рисунокъ «Соня куритъ» запрещенъ. Извиняемся, что не можетъ быть дана иллюстрація наиболѣе яркаго выявленія художественной безталанности.

6. «Соня курить».